

## КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В XIII–XIX вв.: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Выделяются и рассматриваются основные этапы отношений между Китаем и Внутренней Монголией в XIII–XIX вв. Анализируются политические реформы, проводимые в этот период в отношении Внутренней Монголии. Исследуются сложные процессы вхождения кочевого сообщества в симбиоз с земледельческой империей, согласования интересов элиты монголов и Китая. Прослеживаются административно-территориальная трансформация Внутренней Монголии и включение ее в состав Китая.

**Ключевые слова:** Внутренняя Монголия; Китай; административно-территориальные единицы; политические связи.

Чингисхан положил начало великой империи монголов, которая распространила свое влияние практически на всю Среднюю и Восточную Азию. После его смерти Монголия начала постепенно терять свою политическую целостность. Внутренние междоусобные войны раздробили империю на княжества и ослабили ее. Китайская торговля и политика оказали серьезное влияние на экономику Южной Монголии и Халхи, а позже и на политические процессы в этом регионе.

В 1271 г. в Китае приходит к власти династия Юань (1271–1368), которая была основана монгольским ханом Хубилаем. Включение Китая в состав Монгольской империи не привело к полному стиранию границ между бывшими китайскими и монгольскими территориями. Это позволило впоследствии монголам после падения Юаньской династии сохранить свою самостоятельность [1]. Несмотря на то что в период династии Юань произошло сочленение территорий Китайской и Монгольской империй и установился единый административный аппарат, после падения династии территории Монгольской империи остались самостоятельными. Вследствие того что север Китая был полностью разорен и большая часть населения северных территорий была убита в результате набегов со стороны монголов, пограничные контакты между двумя государствами были минимальны, что и позволило сохранить территориальную независимость Монгольской империи. С приходом к власти династии Мин (1368–1644) кардинально изменилась внутренняя и внешняя политика Китая. Особенностью политики Минской династии были активные попытки расширения влияния в регионах, которые традиционно не считались сферой интересов Китая [2]. Такая политика проводилась в отношении Кореи и Вьетнама, а также монгольских княжеств. В отношении Халхи действия были направлены на усиление торговых отношений, так как Китай был не способен вести военные кампании против сильного соседнего государства.

В середине XVI в. Алтан-хан (собственное имя Амада), внук Даян-хана, начинает проводить активное заселение и строительство на равнине Тумэт. С начала 1540-х гг. начинается заселение ханьских крестьян-иммигрантов в укрепленные поселения, которые назывались одним собирательным словом «баньшэн» (板升) – жилище. В середине 60-х гг. XVI в. поселения получили название «да баньшэн» (大板升) – большое жилище. Здесь был возведен дворец Алтан-хана, который вскоре положил начало строительству Хух-Хото [3]. Строительство Хух-Хото велось по планам, составленным ханьскими крестьянами-иммигрантами на основе древнекитайских принципов градостроительства

[Там же]. Для Алтан-хана присутствие китайских иммигрантов на территории Южной Монголии имело огромное значение. Они играли важную роль в возведении городов, освоении и развитии территорий равнины Тумэт, в усилении торговых отношений с Китаем, а также передавали необходимые знания.

В XV и XVI вв., несмотря на столкновения на пограничных территориях Китая и Монголии, велась активная торговля. После похода Алтана на Пекин и подписания мирного договора в 1551 г. [4] по его инициативе были созданы приграничные рынки, где монголы могли обменивать скот и лошадей на зерно и бобы из Китая для создания сельскохозяйственных угодий на равнине Тумэт [3]. В свою очередь, организация торговли в пограничной полосе находилась под строгим контролем Минской администрации. В 70-х гг. XVI в. меновые рынки были открыты в Датуне, Калгане, Синине и Хух-Хото, т.е. на территории Южной Монголии [Там же. С. 10].

Таким образом, торговые отношения выполняли важные функции: способствовали налаживанию добрососедских отношений с монголами, укрепляли приграничные китайские территории от набегов и формировали позитивную историческую память как у китайцев, так и у монголов.

Стоит обратить внимание и на личность самого Алтана. В 1570 г. он стал вассалом Минского императора и был возведен в ранг князя, что позволило ему получить высокий статус и экономические преимущества по сравнению с другими монгольскими князьями [1]. Статус Алтан-хана позволил Минской администрации получить определенный контроль над территориями Южной Монголии, а хану обеспечивал поддержку Китая в случае междоусобных войн в монгольских степях. Такие политические связи являются ярким примером сближения между Китаем и Южной Монголией, а также объясняют причины получения регионами Южной Монголии особых административных статусов.

Нестабильная ситуация в Китае в 20–40-х гг. XVII в. привела к тому, что Китай был завоеван маньчжурами. Внешняя политика маньчжурского правительства отличалась активностью. Это привело к тому, что территории к северу от Китая, завоеванные в разное время, – княжества Южной Монголии (Внутренней Монголии), Халхи (Внешней Монголии) и Джунгарии – постепенно включались в сферу интересов Цинов: в 1636 г. вошла в состав Цинской империи Внутренняя Монголия, а в 1691 г., после Долон-норского съезда, – Халха (Внешняя Монголия) [3]. Причинами завоевания и присоединения Южной Монголии к Китаю стали разобщенность южно-монгольских княжеств и умелое использование маньчжурскими правителями противоречий в лагере монгольских феодалов [5]. Несмотря на

включение монгольских земель в состав Китая, между Халхой и Южной Монголией сохранялась граница, которая была установлена в 1653 г. [6], что позволяло сдерживать набеги кочевников из Внешней Монголии до ее включения в состав Китая. Именно в этот период возникло название Внутренняя Монголия и произошло включение ее в состав Китая как особой административной единицы.

Для управления землями Халхи и Внутренней Монголии в XVII в. потребовалось создание особого органа – Лифаньюань (理藩院 – Палата внешних сношений, или Палата по делам зависимых территорий). Он формировался полностью из членов Маньчжурской восьмизнаменной армии. Уложение Лифаньюаня определило положение Внутренней Монголии как более близкое к внутренним провинциям Китая, чем Халха [1]. Культурные, экономические и политические связи Внутренней Монголии были достаточно устойчиво включены в структуру административного аппарата Китая. Территория Внутренней Монголии имела, по сути, статус провинции, а Халха находилась в вассальных отношениях с Китаем.

Вся территория Монголии после её включения в состав Китайской империи была поделена на административные единицы – знамена. Знамя формировалось как военно-административная единица, и в него включались войска, главы родов и поселений. Каждое знамя управлялось титулованным лицом, которое, в свою очередь, присягало на верность Цинской администрации. С целью ослабления Внутренней Монголии Цинским правительством проводились административные реформы в 1691, 1741 и 1765 гг. В результате увеличилось количество административных единиц, т.е. шел дальнейший процесс раздробления южно-монгольского общества и его политическое ослабление. В 1789 г. Цинская администрация полностью запретила покидать знамена князьям и жителям Внутренней Монголии без специального разрешения [Там же].

С одной стороны, эти меры позволяли не допустить усиления или объединения князей, а также препятствовали переходу подданных в другие знамена. Такая модель управления эффективно контролировала баланс сил во Внутренней Монголии, торговые отношения и общество, а также позволила встроить Монголию в политическую и экономическую структуру Китая. С другой – усложнила межэтнические взаимодействия, которые серьезно отразились в разных сферах жизни региона.

Лифаньюань играл важнейшую роль в управлении приграничными административно-территориальными единицами – Тибетом, Синьцзяном, Халхой и Внутренней Монголией.

Работа органа базировалась на двух принципах: политика и язык, что означало «соотношение силы с императорской добродетелью» и понималось, с одной стороны, как административное реформирование, с другой – как «консервативное правление с помощью традиций», т.е. провозглашение принципов сохранения языка и культурных особенностей [3]. Подобный подход к управлению означал политику гармоничного развития общества в рамках китайской политической культуры.

В конце XIX в. Цинская администрация начинает проводить более гибкую политику по отношению к Халхе, Внутренней Монголии, Тибету и Синьцзяну, что привело к политической трансформации в этих регионах. Предпринятые политические шаги объяснялись поражением Китая в опиумных войнах, колонизацией и усилением влияния Японии. В Халхе и Внутренней Монголии Цинское правительство начало использовать правящие элиты для управления территориями. В обмен на предоставление более широкой автономии монгольские ламы и князья должны были получить соответствующее разрешение от Цинского правительства на официальное управление. Такое реформирование политики по отношению к этим регионам получило название «ослабление повода» (longluo) [7]. Внутренняя Монголия и Халха являлись периферийными территориями, и их усиление позволило Китаю обезопасить северные и западные границы.

Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII–XIX вв. изменялась в соответствии со сменой династий, поэтому условно можно выделить 3 исторических этапа: Юаньский, Минский и Цинский. В Юаньский период произошло сочленение Монгольской и Китайской империй, но в это время Китай не мог проводить активную политику в данном регионе. В Минский – китайская политика начала энергично расширять свое влияние. Сформировались торговые потоки между Китаем и Южной Монголией, открылись меновые рынки в приграничных городах. В Цинский – произошло включение территорий Южной Монголии и Халхи в состав Китая. На этом этапе Южная Монголия фактически получила провинциальный административно-территориальный статус и была включена в государственную структуру Китая.

Таким образом, три исторических этапа показывают путь Южной Монголии от независимости до полного ее включения в состав Китая, а также характеризуют эволюцию китайской политики в отношении этого региона.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Границы Китая: история формирования* / под общ. ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 259 с.
2. *История Китая* / под ред. А.В. Меликсетова. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ; ОНИКС, 2007. 257–258.
3. Gaubatz P., Stevens S. Transforming a «Sea of Grass»: Urbanization, Nomadic Pastoralism, and Agricultural Colonization on the Sino-Mongolian Frontier, 1550–1930 // Prepared for the Agrarian Studies Colloquium, Yale University. April 7, 2006. P. 7. URL: <http://www.rangelandcongress.com/VIII%20Proceedings/seaofgrass.pdf> (дата обращения: 15.01.2012)
4. Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин (1368–1634). СПб., 1893. С. 167–168.
5. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1988. 7 с.
6. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1977. 141 с.
7. Leibold J. Rethinking Guomindang National Minority Policy and the Case of Inner Mongolia. Lanham, MA: University Press of America. 2003. P. 3. URL: [http://tlweb.latrobe.edu.au/humanities/profiles/ss/leibold/Leibold\\_Rethinking\\_Kuomintang\\_Minority\\_Policy\\_China\\_Reconstructs.pdf](http://tlweb.latrobe.edu.au/humanities/profiles/ss/leibold/Leibold_Rethinking_Kuomintang_Minority_Policy_China_Reconstructs.pdf) (дата обращения: 15.01.2012)